

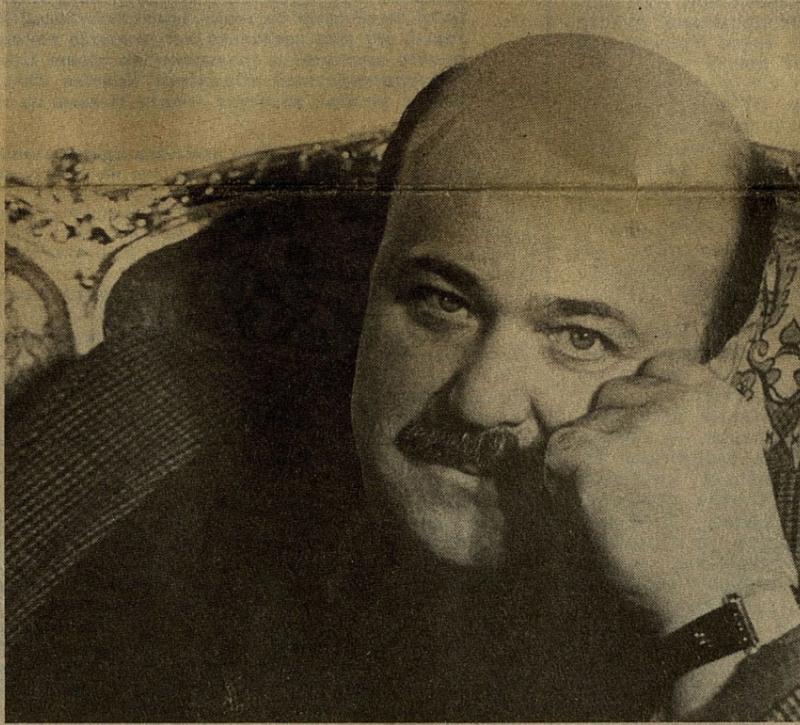

В № 2 «Экран и сцена» писала о том, что в начале февраля спектаклем «Дядя Ваня» по пьесе А. Чехова в Москве открывается новый театр с несколько непривычным для столичного зрителя названием «Et cetera». Его художественный руководитель — народный артист страны Александр Калягин. Создание нового театра — дело чрезвычайно сложное вообще, а в наше время особенно. Очевидно, должны были возникнуть какие-то особые обстоятельства, чтобы решиться на такой шаг.

Александр КАЛЯГИН:

«МЫ БУДЕМ УЧИТЬСЯ У ТЕАТРА.

ТЕАТР БУДЕТ УЧИТЬ НАС»

— Что побудило вас, известного актера, окруженного славой и популярностью, не обделенного, прямо скажем, работой ни в театре, ни в кино, пойти на это?

— Все получилось достаточно неожиданно. Но, конечно, и не так — «в одно прекрасное утро меня осенило». Во всяком случае, меня никогда не мучали амбициозные идеи иметь свой театр, хотя мысли и возникали. Все начиналось несколько иначе. Где-то к сорока годам у меня появилась тяга передать молодым накопленный опыт, профессиональные знания, навыки. (Думаю, многие испытывали такое). Решил попробовать преподавать в родном Училище имени Щукина. В принципе научить актерскому ремеслу невозможно. Актер становится по-настоящему актером только в театре. Но в училище, школе, институте молодого человека можно подвигнуть, привить вкус к познанию нашей профессии.

Правда, многие, даже известные педагоги полагают, что главное — снабдить молодых определенными навыками ремесла, чтобы в жизнь они вошли с зубами, руками и умели вырвать свой кусок. Научить своего рода зубодробильной технике — способности мгновенно убедить режиссера театра или кино, что ты лучше того, кто сидит рядом.

Моя позиция иная. Я вообще побаиваюсь таких уверенных, несомневающихся. Может быть, потому, что сам по природе не такой. Для меня профессиональной задачей была и остается — воспитывать личность, научить сомневаться, быть трепетным и пронзительным в нашей работе. Только такие актеры становятся сутью театра, вне зависимости от того, какие им выпадет там играть роли. Так по крайней мере учили меня в Щукинском в свое время замечательные педагоги. Вместе с постижением азов актерской школы, у нас пробуждался интерес к познанию жизни. Впоследствии она сама становилась нашим учителем и в человеческом плане, и даже — в актерском мастерстве. Это мне прежде всего хотелось бы передать молодым.

— А когда вы преподаете за границей, что там становится главным?

— Все то же. Хотя в Париже вместе с Анастасией Вертинской мы занимаемся с актерами разных поколений, и меняется лишь ритм работы, вольтаж, напряжение. На что здесь мы можем потратить годы, там приходится сконцентрировать в 2—3 месяца. Взаимопроникновение различных школ, методов в творчестве — дело необходимое и важное.

Олег Павлович Табаков, возглавляющий Школу-студию МХАТа, несколько лет назад попытался осуществить эту замечательную идею — обмениваться курсами с зарубежными театральными заведениями. (Сейчас об этом и думать нечего. А лет пять назад — вполне). Я тогда начал преподавать в Школе-студии. Так вот, мой курс вместе с американскими студентами сделал чеховскую «Чайку». Точнее, мы попробовали соединить два совершенно не схожих спектакля, две сценические трантовки, разные актерские школы, разные языки. Оказался чрезвычайно любопытный и полезный эксперимент. Потом мы всем курсом ездили в Америку на 20 дней, где мои ребята учились в Северной Каролине в местной театральной школе. Даже за такой короткий срок они приобрели осязаемый жизненный и профессиональный опыт, сплотились, сдружились, стали настоящим маленьким театральным коллективом.

— Тогда и возникла мысль о собственном театре?

— Да, тогда же. Это был действительно талантливый курс, интересные ребята. Но, увы, одно дело — мечты, другое — действительность. И суровая. Пока я бегал по министерствам и управлениям, шло время. Часть выпускников вынуждена была принять

приглашения других московских театров. Было это три года назад. Тогда нам реально ничего не удалось сделать. Но идея создания театра, то, ради чего мы существовали, учились, воспитывали друг друга, осталась. Часть курса продолжала собираться, что-то делать, репетировать. Иногда тормозили меня.

А я не то чтобы забыл про нашу мечту, просто был погружен в свои заботы, в работу в театре, кино. И однажды, позвав меня на помощь — у них возникли трудности с помещением, — они неожиданно вернули меня к мысли о создании театра. И тут как-то все начало удачно складываться. Случайно в самолете я познакомился с одним влиятельным человеком из Казахстана, который заинтересовался нашей идеей и согласился помочь финансово (потом, правда, выяснилось, что деньги оттуда до нас не могут дойти). Но появились и другие добрые люди, которые стали помогать. Словом, так возник театр.

То, что открываться он должен классикой — для меня это было безусловно. Все дружно сошлись на пьесе Чехова «Дядя Ваня». Был приглашен режиссер Александр Сабинин, дальше мы

позвали тех, кого хотели видеть рядом, у кого была мечта сыграть в «Дяде Ване». В сущности все происходило по принципу антрепризы. К нам пришли Василий Лановой, Алексей Кузнецов, Владимир Симонов — актеры Вахтанговского театра, Татьяна Леникова — из МХАТа. Они стали репетировать в спектакле вместе с нашими штатными актерами — Анатолием Грачевым, хорошо известным по прекрасным работам в спектаклях Анатолия Эфроса, Людмилы Дмитриевой, тоже знакомой зрителям по театру и кино, Натальей Щукиной, Татьяной Веселовой, Екатериной Великовой. Надеюсь, что так продолжится и дальше — на каждую новую постановку вокруг нашей основной маленькой труппы будут собираться единомышленники.

— Но коли у вас возникают планы на будущее, значит, существует реальная финансовая поддержка?

— Конечно. Мы очень благодарны всем, кто протянул нам руку помощи при рождении и остался с нами. Прежде всего генеральному спонсору — страховой компании «СИБАСТРО-ВАЗ» из Красноярска. Радостно, что нашлись в Сибири люди, которые по-

нимают, как необходима помощь культуре, искусству, всему доброму и хорошему. Другие наши партнеры — нефтяники из города Ноябрьска, фирма «МАКС», рекламное агентство «ТЕЛЕБАНК» и другие.

— Александр Александрович, а почему все-таки для открытия театра выбрана пьеса Чехова?

— Вы хотите спросить, почему не что-нибудь более неожиданное, броское? Что же касается меня, то я просто обожаю Чехова. Отношусь к нему не как к великому Антону Павловичу, а как к живому человеку, который помогал мне в самые критические моменты моей жизни. Поступая в училище, я читал рассказ «Мальчики», думаю, это решило мою судьбу. Так же, как уже в студенческие годы исполнение рассказа «Свидание хотя и состоялось, но...» позволило мне остаться в училище и благополучно закончить его. И, конечно, чеховский Платонов в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино», роль, которая помогла мне во многом открыть себя самого. Понимаете, когда сыграна тетка Чарлея, для зрителей уже не имеет особого значения ни Эзоп, ни Чичиков, ни Платонов. Но для меня — огромное. Потому что все роли в ряду, а Платонов стоит особняком. С него в моей жизни что-то началось с красной строки. Поэтому спектакль «Дядя Ваня» — еще и благодарность Чехову, признание в любви.

— Вы играете в этом спектакле?

— К сожалению, нет. Хотя очень бы хотелось. Но прошедший год оказался очень трудным для меня в организационном плане. Был слишком занят собиранием денег, улыбающимися нужным людям в нужных местах. Для дела я и лишний раз не сочту за труд попросить.

— Ваши дальнейшие творческие планы, они как-то сопрягаются с новым театром?

— Безусловно. Непременно буду здесь ставить спектакли и играть. Обязательно. В нашем театре должны воплощаться все мечты. На что очень надеюсь и верю в это.

— А как же родной МХАТ?

— Пока бросать не собираюсь. Более того, сейчас репетирую роль Бориса Годунова в трагедии Пушкина, которую ставит Олег Ефремов.

— Почему ваш новый коллектив назван Театр «Et cetera»? Что скрывается за таким необычным названием?

— Объяснение довольно простое. У нас нет своей собственной крыши (открываемся мы в помещении Театра имени Пушкина), поэтому названия по месту жительства быть не может.

«Et cetera» в переводе с латыни значит «И так далее, и прочее, и тому подобное». По-моему, этим все сказано. Иными словами — театр в самом широком смысле. Мы не собираемся декларировать никаких программ. Мы хотим осваивать мировой опыт театра, который учит нас, как и жизнь. Здесь не может быть какой-то одной идеи, истины — их должно быть много. Они будут сталкиваться, бороться между собой, сменять одна другую. Только тогда искусство останется вечно живым и новым. В нашем театре все может быть — и трагедия, и психологическая драма, и комедия, и шоу, и театр абсурда — любые направления. Мы границ себе не ставим, поэтому и называемся «И так далее, и прочее, и тому подобное».

Никаких «американцев» открывать не собираемся. Все было. И тем не менее театр не сказал своего последнего слова. Он полон тайн. И даже самые изощренные теоретики их никогда не разгадают. Поэтому мы будем учиться у Театра. А Театр будет учить нас.

Беседу вела
Наталья БАТАЕН.